

УДК 94

**РОССИЙСКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ НА РУБЕЖЕ
XIX И XX ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА И МОДЕРНИЗАЦИИ**

© 2016 г.

В.М. Бухараев, Г.П. Мягков, Г.Н. Степаненко

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

gmyagkov@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2016

На историческом срезе Казанской губернии анализируется проблема социально-культурного облика мещанства (городских обывателей) провинциального российского города на рубеже XIX–XX вв. Исследование дает основание говорить об определенном модернизационном потенциале отечественного «среднего класса». Однако доминирование морально-экономических отношений не позволило ему сыграть стабилизирующую роль в ходе социальных потрясений начала XX столетия.

Ключевые слова: мещанство, провинциальный обыватель, модернизация, миф о мещанстве, морально-экономические отношения, традиционное общество.

Трансмутационные сдвиги и перемены в нормативно-ценностных системах на рубеже позапрошлого и минувшего столетий запустили процессы изменений в структуре, проблематике и методах исторического познания. В такие периоды обновления исторической культуры перед «прорицателями о прошлом» открывается «окно возможностей». Оно позволяет предпринять новое вопрошание относительно тех или иных условий или событий с эскомптом переоценки логической последовательности и интерсубъективной эмпирической надежности, какие, собственно, и формируют методологию [1, с. 255].

Одним из познавательных приоритетов в свете новых проблемно-эпистемологических представлений является углубленное изучение дореволюционных городских средних слоев. Без этого остается недостаточно проясненным «язык» кризисного опыта первых декад XX века, когда российское общество оказалось в ситуации модернизационного срыва, вне зависимости от намерений и устремлений субъектов революционного действия, манифестировавших различные сценарии общественного развития.

Между тем реализация того или иного варианта модернизации зависит от позиции основных групп населения, способности и готовности традиционных социумов включиться в нее. Опираясь на депривированные и маргинальные слои, можно успешно разрушать. Условие осуществления структурных реформ – заинтересованность в переменах со стороны тех страт, которые составляют основу данного сообщества, т.е. носителей традиционного сознания. Как раз термин «обыватель» в юридическом смысле и в обыденном речеворении отсылал к носителям

традиционных культурных начал, инкорпорированных в организационно-хозяйственный строй, а также разделявших социально-психологические табу и ожидания своих сословий.

К началу XX века из-за размывания сословных перегородок в городах сложилось весьма неоднородное сообщество социально-культурного характера, что нашло закрепление в законодательстве, оперировавшем понятием «мирные городские обыватели». Уловить ситуацию, в которой оказалась масса «городских обывателей», представляется возможным прежде всего путем анализа феномена мещанства, являющегося социальным средоточием и культурным символом российской «обывательщины». Мещанство можно условно определить как отечественную модификацию «среднего городского класса», уровень развития которого в соответствии с доминирующими экономическими и социальными теориями предстает в виде значимого показателя модернизации.

Актуальность исследования городских средних слоев усиливается в связи с тем, что в последнее время данная проблема обрела отчетливое праксеологическое значение вследствие стремления реформаторских сил обеспечить возрождение «среднего класса», призванного придать стране устойчивое инновационное развитие. Жизненно-практическое измерение облика «средних слоев» российского города начала XX века бросает ответ на возможности и условия неомодернизации современной России. Между тем опыт последних двух с лишним десятилетий свидетельствует, что не оправдались расчеты на относительно быструю новую модернизацию России на основе формирования «среднего класса», призванного придать социу-

му устойчивое развитие. В полной мере дали о себе знать те черты российского социума, о которых в первой половине 1990-х годов говорил М.Я. Гефтер: «Гамма цивилизационных различий и рвущихся наружу несовпадений», «не уходящая советскость сознания и поведения», которая сама подстраивается под архаику, когда «образ одного входит в пазы другого, не совпадающего с ним по генезису, – предреволюционное, вековое и постреволюционное – патологизированный синкретизм» [2, с. 369]. Эти выводы явно перекликаются с идеями многоукладности России, которые разрабатывались «новым направлением» в советской исторической науке на рубеже 60–70-х годов XX века, признанными лидерами которого были К.Н. Тарновский и П.В. Волобуев.

Разработка темы «обывателя» предполагает закладку исследовательских «шурфов» в локальных социально-культурных топосах. Это позволяет надеяться на освобождение исторической мысли от магии макроисторической информации, исходящей из центральных звеньев бюрократической иерархии империи, а также от императивов юридическо-правового подхода. То и другое до сих пор искажает реальную картину социального пространства российского города. В данной статье сосредоточено внимание – согласно методологии case study – на «обывателе» Казанской губернии, которая является репрезентативным в социальном, организационно-хозяйственном и этноконфессиональном отношениях объектом в рамках совокупности полусотни губерний Европейской России в начале XX столетия.

Теперь о научно-исторической традиции осмысления проблемы. В советский период изучение облика мещанства («городских обывателей») попало в разряд «неудобных» тем, потому что фигура обывателя как массовидного явления угрожала подорвать «легенду власти» о российском городе начала XX века, согласно которой на поле социальной брани сошлись две основные урбанистические силы – буржуазия и пролетариат. Некоторые сдвиги в изучении мещанского сословия наметились в 80-е годы, когда в условиях эрозии идеологической системы дал о себе знать интерес к средним городским слоям. Теперь обывательская масса городов была отнесена к «старым средним слоям», которые противопоставлялись «новым» – служащим, студентам, интеллигенции. Поскольку считалось, что у них в отличие от аполитичных «старых» имелся буржуазно-революционный потенциал, главное внимание уделялось этим «новым» и тактике большевиков по отношению к ним [3, 4].

В западном россиеведении и советологических штудиях второй половины XX в. тема мещанства не получает сколь-нибудь заметного освещения. Тем более что основное внимание та же советология концентрировала на политической ситуации в странах Восточной Европы [5, с. 61]. Так, в широко известной по обе стороны океана книге Р. Пайпса «Россия при старом режиме» (1974; рус. пер. 1993 и др.) мещане практически не рассматриваются, хотя купечество попало в поле зрения автора [6, с. 286]. Некоторое оживление в изучении феномена мещанства наблюдается в 1980-х – начале 1990-х годов в связи с оверштагом социально-структурной истории к изучению ментальных форм в их темпоральном измерении и к исторической антропологии с ее вниманием к рутине и повседневности. Из-за отсутствия в западной науке традиции изучения «обывателей» социальным историкам пришлось начинать с выяснения облика и общественного положения мещанства [7–12].

Существенные изменения идейно-политической конъюнктуры в конце XX – начале XXI века позволили отечественным историкам активизировать изучение средних городских слоев, предпринимательской практики в сфере торговли и промышленности и т.д. [13–17]. Тем самым миф о мещанстве, пронизывающий научное и культурное сознание поверх политических систем и доминирующих идеологий [18], ярко демонстрируя мисперцепцию, сменил (по видимости) валентность: из символа «худших пороков среднего слоя без искупающих их добродетелей» [19] мещанин превратился в бренд «зарождающегося в процессе модернизации среднего класса, чья историческая миссия заключалась в выведении России на эволюционный путь стабильного развития» [20, с. 139]. Создатели обновленного образа мещанства подчеркивают его открытость, высокую мобильность и тому подобные черты, несущие на себе отпечаток новой политической мифологии [21]. В связи с этим заметим лишь, что мещанство действительно вбирало в себя потерявших свои экономические позиции представителей купечества, часть крестьян, которые получили разрешение властей на переход в мещанское сословие и др. Между тем такое межсословное движение не выходило за пределы традиционных отношений, соответственно, не обеспечивало социальную лабильность на модернизационной основе.

Эволюция городских средних слоев представит в качестве проблемно открытой темы, к интерпретации отдельных аспектов которой авторы наконец-то приступают.

Очевидно, что изучение положения обывательской массы предполагает интерпретацию понятия «мещанство». Официально под «мещанством» следует понимать совокупность всех членов соответствующего сословия. Согласно первой переписи населения в Российской империи 1897 года удельный вес мещанского сословия составлял порядка одной десятой части населения, в городах этот показатель был значительно выше – до 46%. Сопоставимые данные наблюдаются и в Казанской губернии, в городах которой проживало около 100 тыс. мещан, то есть свыше 40% от их населения [22, с. 14]. Ситуация вполне типичная: российские города были не «пролетарскими» и не «буржуазными», а мещанскими, причем мещанство к рубежу веков утрачивает вытнтые сословные признаки, все более обретая статус представителей «почвенной» культуры.

С целью конкретизации объекта исследования имеет смысл выделить «идеальный тип» мещанина, для чего элиминированы «сельские» мещане и маргинальные категории мещан: люмпены, немногочисленные интеллигенты, сохранявшие принадлежность к сословию, квазибуржуа, по выражению Г.И. Успенского, из «враз разбогатевших» мещан, по своему экономическому потенциалу зачастую превосходившие купечество. О процессе социальной дифференциации сословия говорит распределение выданных мещанам свидетельств на «личный промысел» (позволявших занять место приказчика, агента-коммивояжера, биржевого маклера, в зависимости от разряда этого документа): свидетельствами третьего разряда обладали 0.1%, четвертого – 1.6%, пятого – 28%, подавляющее большинство (более 70%) не поднималось выше шестого-седьмого разрядов [23, д. 76]. Известный российский экономист В.В. Берви-Флеровский указывал на немногочисленность преуспевающей части мещанского сословия, в красочных деталях рисуя бедственное положение основной массы обывателей [24, с. 434–438].

При всей социальной, культурной, национальной дифференциации мещанства вырисовывается условный социокультурный тип мещанина. В начале XX века лишь считанные проценты (не более 5–6%) мещан Казани были вовлечены в те или иные формы товарно-рыночных отношений. О традиционно-застойном характере мещанского хозяйства наглядно свидетельствует то обстоятельство, что почти каждая мещанская семья держала скотину, занималась огородничеством и земледелием. В составе «городского стада» первенствовали коровы, в Казани к их числу прибли-

жалось количество коз и лошадей [25, с. 7–10]. «Типичный мещанин», по Берви-Флеровскому, «сегодня он ловит рыбу, завтра он копает огород, через неделю он шьет сапоги, сегодня он грузил судно, завтра он отправляется на сенокос. Подобную жизнь ведут даже домовладельцы-мещане в значительных городах» [24, с. 450]. Такой «производственный универсализм» – свидетельство архаичной природы российского «среднего класса».

Поскольку мещанское хозяйство носило в основном натурально-потребительский характер при доминировании общинных начал в жизненном укладе, следует говорить о преобладании в мещанском сообществе структур «моральной экономики» («экономической морали»). Расчет на опеку государственную, патриархальные порядки в семье, семейное хозяйство сближали мещанскую психоментальность с крестьянской. Это сходство было обусловлено особенностями российской урбанизации: город выступал не столько проводником культуртрегерства, сколько «ближним» оплотом социально-хозяйственного традиционализма.

Мещанство по традиции продолжали считать самым низшим разрядом в социальной иерархии города, что отвечало положению дел первой половины XIX века, но уже не соответствовало реалиям рубежа XIX – начала XX века. В это время среди городского населения выделялись категории, находившиеся в социальной вертикали ниже мещанства: «цеховые ремесленники», новые жители городов, которые продолжали формально относиться к сословию крестьян. В известном смысле можно говорить о том, что малоимущая обывательщина плавно перетекала в плебс.

Обозначить местоположение мещан в системе городских социально-символических отношений весьма непросто как в связи с дифференциацией мещанского сословия, так и вследствие процессов, протекавших в других сословиях. В начале XX века купеческое звание фактически все более становилось знаком престижа, а мещанство, как и купеческое сословие, имело свое самоуправление: его особые сообщества управлялись мещанскими управами и мещанскими старостами. Однако традиции сословной приниженности парализовали самоуправленческие потенции мещан. Поэтому процент гласных-мещан в Казанской городской думе был ничтожен, что сказывалось на защите интересов сословия.

Не удивительно, что среди мужчин мещанского происхождения было широко распространено бражничество. В Казани одно «питейное заведение» приходилось на порядка 700 жителей, хотя для среднего русского города это не самое плохое соотношение. Женщины из

мещанской среды предпочитали «вечеринки» с соседями или родственниками, а все семейство иногда посещало цирк-шапито и балаган, вполне в соответствии с привычками традиционного сословия.

Особенностью Казанской губернии была полиэтничность населения, что, впрочем, «моделирует» многонациональный состав страны в целом. В начале XX века в городах губернии русские составляли порядка 86% от общего числа жителей, у представителей татарского этноса было более 10%, у евреев и поляков – порядка 1% и т.д. (статистика населения империи по этническому составу отсутствует, поэтому речь идет лишь о примерных данных). Межнациональные отношения среди русских и татар могут быть, без особой натяжки, охарактеризованы как толерантные. Этому способствовали структуры «моральной экономики», в рамках которых этнические отличия отходили на второй план, а также опыт длительного исторического культурно-хозяйственного взаимодействия. Поэтому инициированное властями в русле городской реформы 1870 г. слияние татарских и русских мещанских общин (а этот процесс затянулся и так и не был завершен) проходило в целом без серьезных конфликтов, хотя и не без трений [26].

В своих «деловых» устремлениях представители русского и татарского этносов в мещанском сообществе практически не сталкивались друг с другом из-за сложившегося разделения кустарного труда и разграничения полей торговых операций. Однако «атторнеи» еврейской принадлежности выбивались из этого общего ряда, поскольку в их среде преобладали не морально-экономические, а религиозно-корпоративные регуляторы, что входило в противоречие с традиционалистским сознанием обывателей и сформированным в его модусе мировосприятием. Разводили русско-татарское мещанское общество с еврейским мещанским цехом и другие обстоятельства, среди которых заметную роль играло сосредоточение у лиц еврейского происхождения, несмотря на их малочисленность, значительных долей собственности, в частности за счет фактической монополии на торговлю драгоценными металлами и изделий из них. Поэтому явная недоброжелательность к носителям специализированной еврейской хозяйственной практики, процветавшее на бытовом уровне юдофобство находили выход в беспорядках и погромах, которым нередко прямо потворствовали жандармские власти.

Как известно, этническая общность тесно связана с вероисповеданием, поскольку религиозные устои, святыни и идеалы исторически

обеспечивали как идентификацию отдельной личности, так и социальную интеграцию. В условиях общества, которое регулируется традицией, поведенческие модели индивидуумов базируются на определенном наборе ценностно-религиозных ориентаций, преломляемых через призму статусно-сословных позиций. Конечно, религиозные максимы выступают в качестве идеала, а он недостижим по определению, поэтому следование им неизбежно предполагает определенный культурно-поведенческий «люфт». Однако в рамках традиционной системы самоотклонение от конфессиональных предписаний не покидает это досовременное пространство и находит своего рода теодицею в формате той же традиционной атрибутики.

Адепты ислама и иудаизма неизменно сохраняли приверженность религиозным установкам, по-иному обстояло дело в православии, являвшемся официальной государственной религией. Посещение храмов и отправление церковных ритуалов все более обретало характер обрядоверия. Среди обывательских слоев набирает силу процесс утраты доверия к православной вере, а точнее, к конфессиональным структурам, что было непосредственно связано с делегитимизацией самодержавного государства. Относящиеся к низшим звеньям духовенства священнослужители – и по своему самоощущению, и в организационно-административном плане являвшиеся «слугами государевыми» – находились в своеобразной ситуации: они освящали политику правительства, ту же русско-японскую войну, и сами же участвовали в неформальных беседах с прихожанами, выслушивая критические замечания в адрес властей, нередко присоединяясь к этим выпадам. При этом по настоянию «кураторов» из жандармского корпуса доносили на мирян. В целом же низы белого духовенства по своему уровню жизни и социально-культурным приметам оказывались за одними скобками с мещанством. В известной степени можно считать, что не только церковные служащие, но и священники городских приходов в социокультурном отношении вливались в обывательскую массу.

Одной из ключевых характеристик для оценки психодинамики обывателей на рубеже XIX–XX вв. являются взаимоотношения мещанства и власти. Самодержавный строй стремился контролировать все проявления жизнедеятельности мещан в видах удержать их в рамках традиционной культуры. Российский мещанин фактически был лишен важных характеристик гражданственности: расчет на собственные силы, отказ от соблазнов социального иждивенчества, ориентация на развитие трудовой этики, активное

участие в органах самоуправления и т.д. Отсутствие таких социопсихологических качеств у обывателей во многом объясняется тем, что гражданское общество в империи находилось в зачаточном состоянии.

Вместе с тем на рубеже XIX–XX вв. отношения мещанина и властей предрержащих постепенно перестают соответствовать государственно-патерналистским порядкам. Если события 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге отозвались в мещанской среде Казани, в основном, слухами, то русско-японская война отразилась на ней непосредственно, так как представители мещанского сословия составили подавляющее большинство (около 90%) призывников 1904 и 1905 годов [27, с. 31]. Однако и в этих условиях мещане в целом демонстрировали политическую пассивность и безразличие к вопросам общественной жизни. Некоторые специфические виды протеста, которые по формальным признакам можно отнести к «политическим» преступлениям (на деле – зачастую хулиганские выходки, к которым примешивались богохульство и брань по адресу властных инстанций), были уделом незначительной части «типичных мещан». С начала 90-х годов XIX столетия и захватывая период первой русской революции осужденные за эти правонарушения составили 15% от всей массы подвергнутых судебному преследованию обывателей и статистически ничтожную долю от тех, кто числился в мещанском сословии (не более 0.5%) [27, с. 32].

На этом фоне следует обозначить субгруппу с более или менее отчетливыми антисистемными изъявлениями, какую составляли, главным образом, студенты и мастеровые из мещанского сословия. Они были захвачены социалистической агитацией и сами пытались распространить социалистические идеи в мещанской среде, что никак не достигало цели. Напротив, именно мещанское сословие поставляло участников добровольных черносотенных группировок, принимавших участие в расправе над интеллигентами, студентами в ходе беспорядков в Казани 17–21 октября 1905 года. Очевидно, что проявления недовольства в мещанской среде могли при определенных условиях привести к действиям погромно-бунтарского характера.

В итоге возникает образ мещанина, вписанного в традиционную систему моральной экономики, задавленного самодержавным политическим строем, который тот же обыватель признавал (до поры до времени) как легитимный в правовом и духовно-религиозном отношениях. Более того, державно-этатистское ядро социального самосознания мещанства находит яркое проявление в престиже, каким в мещанской

среде обладали черносотенные организации (вроде «Союза русского народа»), опиравшиеся на монархические, шовинистические и антисемитские идеи.

В условиях известной легитимации индивидуализированной собственности и расширения в стране товарно-рыночной координации на начальных этапах XX столетия у мещанства появились определенные возможности для включения в модернизационные процессы, обретения статуса и роли «средних слоев», способных в перспективе утвердить порядки демократического/демократизированного капитализма. Однако этим возможностям не суждено было превратиться в социальную реальность. Вследствие укорененности мещанства в традиционной культуре предпочтение отдавалось сохранению status quo, что явилось одной из причин неудачи модернизации, способствовало формированию условий для российской смуты начала XX века.

Список литературы

1. Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М.: Новый хронограф, 2014. 346 с.
2. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Опыт политические, исторические и теологические о Революции и Советском мире как Русском. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Изд-во «Европа», 2015. 400 с.
3. Басманов М.И., Гусев К.В., Полушина В.А. Сотрудничество и борьба: Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями. М.: Политиздат, 1988. 382 с.
4. Городские средние слои в трех российских революциях: Межвуз. сб. науч. тр. М.: ТГПИ, 1989. 235 с.
5. Меньковский В.И. Советология как академическая историческая дисциплина (в защиту советологии) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: Сб. статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 59–67.
6. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.
7. Hudson N. Urban Estate Engineering in Eighteenth Century in Russia: Catherine the Great and the Elusive Meshchanstvo // CASS. 1984. № 4.
8. Hittle J.M. The Service City: State and Townsman in Russia, 1600–1800. Cambridge MA: Harvard University Press, 1979. P. 97–167.
9. Brower D.R. The Russian City Between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley: University of California Press, 1990. 254 p. URL: <http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft4m3nb2mm/>.
10. Schmidt Ch. Ständerecht und Standeswechsel in Rußland 1851–1897. Wiesbaden: Harrassowitz, 1994.

11. Haimson L.H. The Problem of social identities in Early Twentieth Century Russia // *Slavic Review*. Vol. 47. № 1 (Spring, 1988). P. 1–20.
12. *Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Edited by Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, and James L. West. Princeton: Princeton University Press, 1991. 400 p.
13. Белослудцева В.В. Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 24 с.
14. Галимова Л.Н. Многонациональное купечество Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.: исторический опыт социокультурного развития: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2013. 46 с.
15. Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг. (Этноисторическое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 23 с.
16. Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. 43 с.
17. Ушаков А.В. Мещане Камско-Вятского региона второй половины XIX – начала XX века: историко-демографическая характеристика // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2014. № 2 (июль). С. 28–34.
18. Бухараев В.М., Аккуратов Б.С. От неприятия скопидомства до борьбы с «контрреволюцией быта» // *Отечественная история*. М., 2002. № 1. С. 159–174.
19. Набоков В. Лекции по русской литературе: Пер. с англ. М., 1996. 435 с.
20. Кобозева З.М. Диалогичность хронотопов: «мещанский мирок» в купеческом царстве провинциальной Самары // *Вестник Самарского государственного университета*. 2009. № 7 (73). С. 139–146.
21. Захарова В.В. Мещанское сословие в пореформенной России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 16 с.
22. Аккуратов Б.С. Феномен мещанства в российской общественно-политической мысли и политической теории: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. 25 с.
23. НА РТ. Ф. 98. Оп. 8. Д. 76.
24. Берви-Флеровский В.В. Положение рабочего класса в России. М.: Соцэкгиз, 1938. 463 с.
25. Щепкин М.П. Опыт изучения общественного хозяйства и управления городов. М.: Типография М.П. Щепкина, 1882. Ч. 1. 416 с.
26. Каплуновский А. Татары-мусульмане и русские в мещанских общинах Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 101–122.
27. Бухараев В.М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // *Социальная история*. Ежегодник, 2000. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 19–33.

RUSSIAN PROVINCIAL TOWNSPEOPLE AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY: TRADITIONAL PRACTICES AND MODERNIZATION TRENDS

V.M. Bukharaev, G.P. Myagkov, G.N. Stepanenko

The present article examines social and cultural characteristics of lower middle class representatives (townspeople) in Russian provincial towns at the turn of the 20th century. As a result of the analysis, the authors identify certain modernizing potential in Russian "middle class". However, the prevailing traditional moral norms and economic relations have prevented it from playing a stabilizing role during social upheavals at the beginning of the 20th century.

Keywords: petty bourgeoisie, provincial townspeople, modernization, myth of petty bourgeoisie, moral and economic relations, traditional society.

References

1. Toshtental' R. Professionalizm istorika i istoricheskoe znanie. M.: Novyj hronograf, 2014. 346 s.
2. Geftter M. Tret'ego tysyacheletiya ne budet. Russkaya istoriya igry s chelovechestvom. Opyty politicheskije, istoricheskie i teologicheskie o Revolyucii i Sovetskom mire kak Russkom. Razgovory s Glebom Pavlovskim. M.: Izd-vo «Evropa», 2015. 400 s.
3. Basmanov M.I., Gusev K.V., Polushina V.A. Sotrudnichestvo i bor'ba: Iz opyta otnoshenij KPSS s neproletarskimi i nekommunisticheskimi partijami. M.: Politizdat, 1988. 382 s.
4. Gorodskie srednie sloi v trekh rossijskih revolyuciyah: Mezhdvuz. sb. nauch. tr. M.: TGPI, 1989. 235 s.
5. Men'kovskij V.I. Sovetologiya kak akademicheskaya istoricheskaya disciplina (v zashchitu sovetologii) // *Istoriya i istoriki v prostranstve nacion-*
- al'noj i mirovoj kul'tury XVIII–XXI veka: Sb. statej / Pod red. N.N. Alevras, N.V. Grishinoy, Yu.V. Krasnovoj. Che-lyabinsk: Ehnciklopediya, 2011. S. 59–67.
6. Pajps R. Rossiya pri starom rezhime. M.: Nezavisimaya gazeta, 1993. 421 s.
7. Hudson N. Urban Estate Engineering in Eighteenth Century in Russia: Catherine the Great and the Elusive Meshchanstvo // *CASS*. 1984. № 4.
8. Hittle J.M. The Service City: State and Townspeople in Russia, 1600–1800. Cambridge MA: Harvard University Press, 1979. P. 97–167.
9. Brower D.R. The Russian City Between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley: University of California Press, 1990. 254 p. URL: <http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft4m3nb2mm/>.
10. Schmidt Ch. Ständerecht und Standeswechsel in Rußland 1851–1897. Wiesbaden: Harrassowitz, 1994.

11. Haimson L.H. The Problem of social identities in Early Twentieth Century Russia // *Slavic Review*. Vol. 47. № 1 (Spring, 1988). P. 1–20.
12. *Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Edited by Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, and James L. West. Princeton: Princeton University Press, 1991. 400 p.
13. Belosludceva V.V. Meshchanskoe soslovie Permskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Perm', 2006. 24 s.
14. Galimova L.N. Mnogonacional'noe kupechestvo Srednego Povolzh'ya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: istoricheskij opyt sociokul'turnogo razvitiya: Avtoref. dis. ...d-ra ist. nauk. Cheboksary, 2013. 46 s.
15. Kaplunovskij A.P. Russkaya meshchanskaya obshchina v gorodah Kazanskogo Povolzh'ya. 1870–1918 gg. (Ehtnoistoricheskoe issledovanie): Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. M., 1998. 23 s.
16. Kobozeva Z.M. Meshchanskaya povsednevnost' provincial'nyh gorodov Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: Avtoref. dis. ...d-ra ist. nauk. Saratov, 2014. 43 s.
17. Ushakov A.V. Meshchane Kamsko-Vyatskogo regiona vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: istoriko-demograficheskaya harakteristika // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorija*. 2014. № 2 (iyul'). S. 28–34.
18. Buharaev V.M., Akkuratov B.S. Ot nepriyatiya skopidomstva do bor'by s «kontrevolyuciej byta» // *Otechestvennaya istoriya*. M., 2002. № 1. S. 159–174.
19. Nabokov V. *Lekcii po russkoj literature*: Per. s angl. M., 1996. 435 s.
20. Kobozeva Z.M. Dialogichnost' hronotopov: «meshchanskij mirok» v kupecheskom carstve provincial'noj Samary // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 7 (73). S. 139–146.
21. Zaharova V.V. Meshchanskoe soslovie v poreformennoj Rossii: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1998. 16 s.
22. Akkuratov B.S. Fenomen meshchanstva v rossijskoj obshchestvenno-politicheskoj mysli i politicheskoi teorii: Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Kazan', 2002. 25 s.
23. NA RT. F. 98. Op. 8. D. 76.
24. Bervi-Flerovskij V.V. *Polozhenie rabocheho klassa v Rossii*. M.: Socehgiz, 1938. 463 s.
25. Shchepkin M.P. *Opyt izucheniya obshchestvennogo hozyajstva i upravleniya gorodov*. M.: Tipografiya M.P. Shchepkina, 1882. Ch. 1. 416 s.
26. Kaplunovskij A. *Tatary-musul'mane i russkie v meshchanskih obshchinah Srednego Povolzh'ya v konce*

XIX – nachale XX v. // *Ab Imperio*. 2000. № 1. S. 101–122.

27. Buharaev V.M. Provincial'nyj obyvatel' v konce XIX – nachale XX veka: mezhdue starym i novym // *Social'naya istoriya. Ezhegodnik*, 2000. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya, 2001. S. 19–33.